

Но если речь идет о Толстом, не бесполезно, думаю, вспомнить, что также в *Творчестве и анализе* Ибрэиляну показывая, что отмеченные черты можно найти в совокупности в различных пропорциях у любого талантливого прозаика, добавляет: «в романах Толстого, которые отображают жизнь во всей ее сложности, и то, и другое находится в равной пропорции»¹.

Произведения Достоевского анализируются с целью определения другого соотношения: между моралью и анализом. Ссылки, как всегда, направлены на выявление отличительных черт: «Анатоль Франс моралист. Бурже — аналитик и прежде всего моралист. Достоевский — аналитик и совсем не моралист. Пруст почти всегда аналитик — и очень редко моралист». И немного ниже: «Естественно, редко кто-нибудь бывает одним или другим. И если существуют аналитики, не будучи моралистами как Достоевский, то не существуют моралистов, которые не являлись бы одновременно и аналитиками»². Конечно, можно принять или не принять основную оценку (данную Достоевскому). Пока что не это является объектом нашего исследования, а то, как Ибрэиляну обращается к русским писателям, чтобы подкрепить высказываемые мнения. И эта манера пронизательного восприятия русской литературы характерна для румынского критика.

В заключение коснемся еще одного вопроса, а именно того, с какой настойчивостью Ибрэиляну, говоря о русских писателях, останавливался на том, как они изображают любовь и ее трагедию. Показательно, что, рецензируя роман *Анна Каренина*, румынский критик оставляет в стороне все, что касается морально-идеологических переживаний Константина Левина. Этот alter ego Толстого упоминается только с целью констатации иллюзии его супружеского счастья. Мысли Ибрэиляну имеют поучительный характер. Кажется, что ему не нравится, в первую очередь, роль «утешаемого мужа», которую принял на себя герой Толстого. Более того, он пробует сделать обобщение: частность случаев — у русских писателей —, когда влюбленные мужчины становятся наперсниками любимых женщин, но которые избрали другого мужчину. «Они (русские писатели — М. Н.) будто хотят снизить наш романтический подъем и крикнуть нам, что «жизнь не роман» и что... их романы реалистичны (и в действительности жизнь не подбирает факты в соответствии с нашим поэтическим идеалом). В качестве примеров цитируются некоторые произведения Тургенева и *Униженные и оскорбленные* Достоевского, у которого, к неудовольствию Ибрэиляну, «герой счастлив оттого, что девушка, которую он любит, но которая его не любит, будет счастлива с его соперником». Оправданное с трудом в плане моральном, подобное поведение подвергается резкому осуждению в эстетическом плане: «Конечно, вполне человечно и высоко это чувство, но в то же время слишком человечно и слишком высоко и целиком лишено поэзии. В подобной среде Шекспир не появился бы»³. Таким образом, концепция Достоевского о поисках счастья через терпение и страдание неприемлема для Ибрэиляну. Наоборот, он извлекает из Толстого и Тургенева другие удивительно сходные «уроки». Трагедия Анны Карениной в сравнении со

¹ Там же, стр. 121.

² Там же, стр. 124—125.

³ Там же, том I, стр. 240.